

**АТАЛЫЧЕСТВО В КРЫМУ (ПО МАТЕРИАЛАМ РУКОПИСИ
АНОНИМНОГО СБОРНИКА ИЗ СОБРАНИЯ ИНСТИТУТА
ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН)**

М.А. Козинцев

*Институт восточных рукописей РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
m.kozintcev@mail.ru*

Цель исследования: предпринята попытка рассмотреть отдельные особенности аталычества как социального института, существовавшего в Крымском ханстве на всем протяжении его истории, и прежде всего, церемониально-практический аспект, связанный с передачей ребенка воспитателю, процессом воспитания и возвращением воспитанника в родную семью.

Материалы исследования: раздел анонимного сочинения под условным названием «История Крыма» (шифр: В 747), хранящегося в собрании Института восточных рукописей РАН.

Результаты и научная новизна: аталычество, широко практиковавшееся многими народами Кавказа, в определенный момент получило распространение на территории Крымского ханства. Большой вклад в понимание истоков и сущности данного порядка воспитания детей внесли работы М.О. Косвена (1885–1967), посвященные институту семьи и общественного строя у горских народов, прежде всего его статья «Аталычество». Вместе с тем, крымский материал не получает у него подробного освещения. Текст одного из разделов анонимного рукописного сборника «История Крыма», показывает, что ко второй половине XVIII в. аталычество практиковалось в Крыму лишь представителями наиболее привилегированной части общества, в первую очередь, членами ханского рода Гиреев. Во многом сохранение этого института было продиктовано политическими соображениями, а его практическая целесообразность с точки зрения воспитания ребенка уже не была очевидна. Сложился устойчивый церемониал, определявший поведение всех участников процесса. Окончательная институционализация аталычества связана с официальным закреплением воспитателя-аталыка в ряду высших придворных чинов ханства. В статье приводится полный текст соответствующего раздела «Истории Крыма» с переводом на русский язык.

Ключевые слова: Крымское ханство, Гирей, черкесы, наследник, воспитание, рукописи

Для цитирования: Козинцев М.А. Аталычество в Крыму (по материалам рукописи анонимного сборника из собрания Института восточных рукописей РАН) // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 2. С. 284–292. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-2.284-292

FOSTERAGE IN CRIMEA (BASED ON THE ANONYMOUS MANUSCRIPT KEPT AT THE INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS, RAS)

M.A. Kozintcev

*Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
m.kozintcev@mail.ru*

Abstract: *Research objectives:* This article considers some features of fosterage as a social institution that existed in the Crimean Khanate throughout most of its history. Above all, the ceremonial and practical aspects associated with the transfer of the children to the caregiver, the process of their education and return to their family are considered.

Research materials: A section of the anonymous manuscript “History of Crimea” kept at the collection of the Institute of Oriental Manuscripts, RAS, under shelf mark B 747.

Results and novelty of the research: Being widely practiced by many peoples of the Caucasus, fosterage had spread to the territory of the Crimean Khanate. Understanding of the origins and essence of this method of child rearing was greatly augmented by the works of famous Soviet ethnographer and historian, M.O. Kosven (1885–1967), which were dedicated to the institution of the family and social structure of the mountain peoples, especially his article “Fosterage”. Meanwhile, the Crimean material is only briefly mentioned in that article. The text of one of the sections of the anonymous manuscript, “History of Crimea”, shows that by the second half of the eighteenth century, fosterage had been practiced in Crimea only by representatives of the most privileged part of society, primarily by members of the ruling Giray dynasty. As might be assumed, the preservation of this institution was mainly dictated by political considerations, while its practical expediency for raising a child was no longer obvious. However, children of the Crimean khans continued to be sent to the Caucasian families for upbringing. The process of giving the children to the caregiver (atalik) and taking them back was subject to consistently followed protocols defining behavior of all participants of the process. Final institutionalization of fosterage was associated with the official recognition of caregivers among the highest court officials of the Crimean Khanate. This article provides the full text of the aforementioned section of “History of Crimea” in Ottoman Turkish, transcribed and translated into Russian.

Keywords: Crimean Khanate, Giray, Cherkess, heir, upbringing, manuscripts

For citation: Kozintcev M.A. Fosterage in Crimea (based on the anonymous manuscript kept at the Institute of Oriental Manuscripts, RAS). *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 2, pp. 284–292. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-2.284-292

Термин *аталычество* происходит от тюркского слова *аталык*, которое буквально означает «тот, кто исполняет обязанности отца», «наделенный отцовскими функциями», «отцовствующий». Данный термин традиционно применяется в кавказоведении для описания обычая, «основная сущность которого состоит в том, что ребенок, после своего рождения переходит на некоторое время в другую семью, а затем возвращается к своим родителям» [7, с. 41]. Первой работой, специально посвященной истории аталычества, стала одноименная статья известного историка и этнографа М.О. Косвена, вышедшая в 1935 г. в журнале «Советская этнография». В ней была предпринята попытка всестороннего анализа данного явления, некогда широко распространенного у кавказских народов: абхазов, черкес, кабардинцев, ка-

рачаевцев, балкарцев, а также осетин и сванов. Для сравнения были привлечены данные культур скандинавско-кельтских, африканских народов, а также народов Аляски, Меланезии и Полинезии. Крымский материал в статье не рассматривается; автор ограничивается лишь упоминанием того факта, что «когда, в середине XVIII в., Кабарда находилась в зависимости от крымских и кубанских ханов, кабардинские княжны выдавались замуж за этих ханов, но дети их воспитывались в Кабарде» [7, с. 42]. На основе этих сведений мы можем понять, что обычай аталычества пришел в Крымское ханство из Кабарды. Кроме того, данные согласуются с точкой зрения, согласно которой в основе института аталычества лежит порядок перехода детей в материнский род [7, с. 55]. М.О. Косвен подчеркивает комплексную природу аталычества и предлагает искать его истоки в первобытном обществе, находящемся на стадии перехода от матриархата к патриархату [7, с. 51].

Целью аталычества выступает не желание отдать, а желание получить ребенка на воспитание, и инициатором обычно является сам аталык, а не родители [7, с. 47]. Кроме того, в случае крымской правящей элиты дети отдавались на воспитание не просто в другую семью, а отправлялись в вассальное владение ханов.

Что касается Крыма, то там аталычество применялось только к отпрыскам правящих элит. В дальнейшем мы имеем дело еще с одной трансформацией данного института, а именно, его наследованием. Аталык становится, по сути, постоянной и обязательной придворной фигурой. Показательным примером того, какую роль могли играть ханские воспитатели при крымско-татарских принцах, является Муслы-аталык, воспитатель хана Мухаммед-Гирея II. Он получил этот сан от своего отца, т. е. был уже потомственным воспитателем. Со смертью Девлет-Гирея I и вступлением на престол его сына и калги Мухаммеда Муслы-аталык возвышается до положения «первого министра» [4, с. 55]. Впрочем, аналогичные процессы в то же самое время можно проследить и в других тюркских государственных образованиях. Здесь стоит заметить, что хотя происхождение аталычества остается до конца не установленным, в науке на этот счет существует несколько версий. По одной из них, это явление заимствовано народами Кавказа из тюркской или монгольской культуры. М.О. Косвен отвергает данную точку зрения, однако нельзя отрицать и того факта, что возвышение ханских воспитателей широко практиковалось в государствах – наследниках Золотой Орды, где также произошла институционализация их роли в структуре управленческого аппарата. Известно, что в государстве Аштарханидов аталыки занимали наиболее привилегированное положение, уступая только накибам (представителям сословия сейидов), и фактически исполняли обязанности глав ханской администрации [3, с. 141]. Из текста «Бухарского трактата», датированного приблизительно тем же периодом, что и упоминаемая ниже «История Крыма», т. е. концом XVIII в., становится ясно, что в Средней Азии аталыки были официально встроены в систему высших государственных чинов, имели четко очерченный круг обязанностей, хотя время, когда это произошло, точно определить трудно [8, с. 144–145].

И.М. Миргалеев, опираясь на сочинение «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми [2], написанное в Золотой Орде периода ханов Узбека и Джа-

нибека, считает, что аталыки – это, по сути, суфийские пиры, воспитатели сыновей золотоордынских ханов [10, с. 89–101]. Аталыков Джанибека и Бердибека И.М. Миргалеев связывает с суфиями-каландарами. Однако, насколько традиции аталычества крымских и золотоордынских правителей схожи и в дальнейшем не трансформировались, сказать сложно. Аталычество в Крымском ханстве было связано, прежде всего, с Кавказом. Это была форма как воспитания будущих правителей Крыма в духе джигитовки, так и контроля Кавказа Гиреями, что хорошо продемонстрировано в сочинении «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми [1].

Что касается истоков аталычества у Гиреев, то их следует искать в тесных родственных связях первого хана Крыма, Хаджи-Гирея, с Кавказом: матерью Менгли-Гирея была аланская княжна. Подробнее см. [6, с. 69–70].

Весьма подробные сведения об аталычестве в Крымском ханстве содержатся в тексте османского анонимного сочинения под условным названием «История Крыма». Данный трактат, составленный не ранее 1790 г. [5, с. 175], посвящен истории ханства от его возникновения до XVIII в. Особое внимание в нем уделяется международным отношениям, а именно отношениям «крымских ханов с Турцией, а Турции — с Россией, Францией и другими странами по крымскому вопросу в XVII–XVIII вв.» [5, с. 175]. На сегодняшний день известно два списка данного сочинения – парижский и петербургский, причем второй представляет собой копию первого, и переписчиком являлся, по предположению В.Д. Смирнова, известный татарский историк и каллиграф Х. Фейзханов [9, с. XII]. Будучи ценным источником по целому ряду проблем истории Крыма и Османской империи, трактат уже давно находится в поле исследовательского внимания. Наиболее обстоятельно к его изучению подошел знаменитый османист В.Д. Смирнов, издавший его арабграфичный текст и снабдивший его развернутым предисловием и алфавитным указателем. При этом исследователь подчеркивал предварительность подобного издания, выполненного большей частью из опасения за судьбу рукописи [9, с. XLIII], а также исходя из стремления «сохранить в печати те, впрочем не очень многочисленные и обширные памятники (истории Крыма – М.К.), какие еще время от времени попадают на турецком языке» [9, с. XLII]. Что касается дальнейшего издания полного текста сборника с более подробным комментарием, то его В.Д. Смирнов считал излишним, полагая за лучшее использовать материалы отдельных статей в качестве дополнительных источников при рассмотрении конкретных вопросов. Позволив себе не согласиться с такой точкой зрения, поскольку сочинение в своей целостности способно дать многое для анализа личности его автора, признаю, что в данном случае иду именно путем, указанным В.Д. Смирновым.

Авторство сборника до настоящего времени остается неустановленным, хотя его содержание позволяет предположить, что писавший его человек был османским чиновником высокого ранга. Более того, обстоятельность изложения, включающего в том числе официальные документы и статистические данные, говорит о том, что автор или был участником многих из описываемых событий, или же имел доступ к султанским архивам [9, с. IX].

Поскольку сведения об аталычестве, содержащиеся в данном сборнике, несмотря на их важность, невелики по объему (лл. 13v–16v), наиболее удобно

будет привести текст соответствующего раздела полностью, в транскрипции¹ и с переводом.

Текст

(л. 13v) **Кırım Ханлары[ның]² evlâdları zuhûri kabâil-i Çer[â]kese besmele verdikleri³**. Hânân ve selâtînlerinin (л. 14r) evlâdları tevellüd eyledikde Kırım adası karşı yakasında Taman adasının öte yakasında kabâil-i Çerâkeseniñ ma‘lûmı oldukda; miyânelerinde a‘li dâyelıka şâyân birini intihâb ve der-akab etrâf ve eknâfa münâdîler nidâsı ile ihbâr olunub cümlesiniñ ma‘lûmı oldukda; tertîb eyledikleri sahrâya cem‘ olub p[î]r ve ihtiyârları dîvânında amâde olurlar; ve dâyelıka intihâb eyledikleri hâtûnı dahi ihzâr edüb “El-yevm Kırım Hânınıñ oğlı ve kızı her [kim] ise olmuş âdetimiz üzere besleme almak için azîmet eylesin gerekdir. Ancak cümle kabâil seniñ yed-i amânıña verilmesini istisvâb ve istihsân görmüşler” diyü ba‘del-ifâde hâtûn-ı mezbûre mesrûr olub duâlar eder. Mîrzâ ve sipâh ve özden ta‘bîr olunan esliha [ve] zırh-pûş bir kaç yüz (л. 14v) neferini intihâb ve bir-iki ihtiyâr mîrzâlarını ihtiyârân kabâil-i ser-kerde nasb edüb esblerine süvâr ve Taman ile Çerâkese cibâlî miyânında cârî Kuban nehri üzerine gelüb libâs ve eslihalarını eğreleri altında mevcûd olan keçi tulûmları derünine vaz‘ ve bârgîrleri kuyruğına rabt edüb üzerlerine süvâr ve karşı Taman Adasına imrâr ve andan dahi sefînelere râkib olub on sekiz mîl karîb olan Azak Boğazı’ndan Kırım adasında Kamış Burnı ve Yeñi Kale’ye ubûr ve dođrı Bâğçe Serây’a varup üç gün ve gece Kırım Hânına mehmân olurlar. **Garîbe** kabâil-i mezkûr[e] mehmân oldukları hâlde kendülerine ve Kırım Hânı’niñ mecmû dâiresine vâfi nân-ı azîz ve lâhm ve asel ve dakik ve ğumul⁴ ve arak ve boza eşribe ve at‘imleri hânelerinden (л. 15r) berâber götürüb dâire-i Hânî ve civâr komşuları ve mürûr ve ubûr [edenleri] hân ni‘met-i firâvân ile seyr edüb müddet-i mezkûrede izhâr-ı şâd-mânî ve sürûr gösterd[i]ler. Üç gün tamâm oldukda miyânelerinde yetti elçi nasb edüb bu cem‘iyyet ile Kırım’a geldikleri ancak Hân Haz[r]etleri’niñ evlâdını beslemeğe almak maksûdları olduğunu elçi lisânı ile ifâde ve almadıkça iâdeleri mümkün olmadığını beyân ederler. Öteden berü âdet olduğuna bi’z-zarûrî ma‘sumı pistân mâderinden teb‘îd ve tefrîk ve kabâil-i mezkûre yedlerine teslîm ve indlarında mevcûd olan hâtûn ağışına tevdî‘ ve ahiz ve kemâl-i sürûr ile iâde ederler. Ya‘nî Hân müşârün-ileyhiñ kabâil-i mezkûr[e]den piyâde ve süvâri gelen üç-beşyüz adama bir akçalık masârifî olmaz çünkü ma‘sumı ahiz ile bir (л. 15v) murâd oldular. Hâtûn-ı mezbûre gâh bađrına basub ve gâh başları üzerine nihâde ederek mahall-i mezkûrelerine iâde ve hizmet-i beslemede terk, hâb ve râhat ile mesâî-i mevfûre ibrâzında kusûr ve rehâvetden hazer ve mücânebet ederek ve öz evlâdına besleme evlâdını tercih ederek perverde ve sinn-i besleme yediye bâliğ oldukda rükûb ve nüzûli ve kaçub kovmađı ve fenn-i harb ve darbı ve ok atmak ve kılıç

¹ Правописание согласно изданию [11].

² Здесь и далее в квадратных скобках помещены буквы и слова, восстановленные В.Д. Смирновым по парижскому списку.

³ Здесь и далее текст, выделенный жирным, в рукописи записан красными чернилами.

⁴ По предположению В.Д. Смирнова, речь идет о кумысе.

çalmak hünерlerini gereği gibi ta'lim eder. Şöyle ki besleme-i merkûm hayr ve şerr her ne eder ise ma'kul ve münâsib görüb ta'zîr güne bir hiref mukabele etmemek husûsuna ebeveyn-i merkûmlar ittifâk ederler. Bu sebebden tabîat-i cibilliyyesi her ne ise aynî mâyesi zâhir olub on beş seneye varınca peder ve mâder hîdî matlûb eder ise ol-vakt esb-i müzeyyen ve (л. 16r) libâs-ı cedîd ve esliha-ı tamâm ile donadup kabâil-i mezkûr[e]den mukaddemâ ahzında beraber olan mîrzâ ve sipâh ve özden ta'bîrinde olanlardan bir kaç yüz nefer ve rızâen pederi bi'l-maiyye beslemesini alub Hân tarafına azîmet ve bir üslûb-ı sâbık üç günlük istishâb eyledikleri zahîreleri ile vusûl ve kurbânlarını zebh ve kazğan kaynadub Hân dâiresine üç gün ve gece ziyâfet tamâm oldukda Hân tarafından ol mikdâr askere vâfi ve her birine bahş-i kalenderî eylemekle kâfi meşîn ve sahtiyân ve tüfeng ve yây ve kılâbdan ve çoke meydân-ı mukasemeye mânde ve taksîm ve ba'de'l-ahz yine hâneleri tarafına azîmet ve bu vesîle ile kabâil mezkûreye takarrüb etmek ve âlem-i tufûliyyetinde ser-bestiyet üzere perverde ve bu ferdden âzürde olmadıklarından şecî ve bahâdır-âne (л. 16v) hareket eylediklerinden nâmlarını kaplan ve arslân teşbîh ile tesmiye olub ismi yâd oldukça a'dâ'-ı bed-hâh lertzân ve hirâsân olurdu.

Перевод

[О том, как] крымские ханы при появлении у них детей отдавали их на воспитание черкесским племенам. Когда у ханов и султанов рождались дети; когда об этом становилось известно черкесским племенам, живущим на противоположном от Крымского острова (*sic*) берегу, на побережье Таманского острова (*sic*); когда они избирали из своей среды того, кто достоин чести быть высоким воспитателем, а затем глашатаи кличем оповещали об этом округу, и всем об этом становилось известно – тогда они собирались в условленном месте в степи и представляли на совете старейшин; и женщину, избранную достойной быть кормилицей, также представляют и говорят: «Сейчас ребенку крымского хана, будь то мальчик или девочка, надлежит отправиться в путь с тем, чтобы мы, по нашему обычаю, взяли его на воспитание. И вот все племена выразили одобрение и согласие на то, чтобы тебе было дано право покровительства». После такого чествования упомянутая женщина исполнялась радости и произносила молитву. Избрав из числа мирз, сипахов и приближенных несколько сотен воинов, с оружием и в доспехах, и назначив предводителями несколько своих старших мирз из числа старейшин племен, верхом на лошадях прибывают на реку Кубань, расположенную поблизости, между Таманью и горной Черкесией, помещают свою одежду и оружие в мешки из козьей шкуры, находящиеся под седельной кошмой, и, привязав к хвостам вьючных лошадей, забираются верхом и после этого, сев на корабли, добираются по Азовскому проливу на расположенный поблизости, на расстоянии восемнадцати миль, Крымский остров (*sic*) и, через Камыш Бурну и Йени Кале⁵, прибыв прямо в Бахчисарай, на три дня и ночи становятся гостями крымского хана. Эти

⁵ Соответственно, мыс на востоке Керченского полуострова, на берегу Керченского пролива Азовского моря и крепость на берегу Керченского пролива, построенная в начале XVIII в. В данном случае, вероятнее всего, описываются два альтернативных пути следования черкесской делегации.

пришлые племена хотя и делались гостями, привозили из домов своих для себя и в отведенные для приема покои крымского хана в обильном количестве напитки и кушанья: святой хлеб, и мясо, и мед, и муку, и кумыс, и арак, и бузу и, обходя ханские покои и соседей вокруг, и прохожих и всем им преподнося обильное угощение, в указанное время выказывали довольство и радость. По истечении полных трех дней, назначив из своей среды семь посланников, с этими людьми они приходили в Крым, а уже посланники на словах высказывали желание взять ребенка Его величества Хана на воспитание и объявляли, что пока ребенка не получат, не смогут возвратиться домой. Согласно тому, что эта традиция существовала с незапамятных времен, дитя разлучают с родной матерью и передают названному племени, в объятия рядом стоящей женщины и после того прощаются, берут его и исполненные радости возвращаются домой. Иными словами, вышеназванный крымский хан не расходует на пришедших несколько сотен пеших и конных представителей указанного племени ни гроша, поскольку они, получив ребенка на воспитание, тем самым добиваются желаемого. Вышеназванная женщина, то прижимая ребенка к груди, то поднимая над головой, возвращается в упомянутое место и, проявляя осторожность и сторонясь лени и нерадивости в демонстрации обильных стараний и отдавая предпочтение воспитаннику перед своими собственными детьми, воспитывает его в неге, а когда возраст воспитанника достигает семи лет, внушает ему необходимость обучаться умениям садиться верхом и спешиваться, убегать и преследовать, а также постигать воинское искусство – стрельбу из лука, фехтование и т. п. Таким образом, названные родители, воспринимая все хорошее и плохое, что делает указанный воспитанник, как благоразумное и приемлемое, чтобы не проверять умения до определенного дня, проявляют единодушие. По этой причине, каким бы ни были его врожденные качества, его сущность становится очевидной, и стоит ему достигнуть возраста пятнадцати лет, он, если его отец и мать сами того пожелают, тогда считается взрослым. Снарядив его богато убранной лошадью, новым платьем и полным вооружением, издавна присутствующие при принятии ребенка назад от указанных племен несколько сотен человек из числа мирз, сипахов и тех, кого в общем можно описать как своих, а также, по согласию, приемный отец с сопровождающими, взяв воспитанника, возвращаются к хану, и по старому обычаю приезжают вместе с теми припасами, которые они взяли с собой на три дня, и, закалывают жертвенных животных, и кипятят воду в котлах, а когда через три дня и ночи в ханских покоях завершается пиршество, от хана тем воинам в достатке и каждому в отдельности преподносится в подарок причитающаяся своя часть выделанной бараньей кожи, сафьяна, ружей, луков, золотых и серебряных нитей, сукна; и всё это относится на площадь для распределения; и после того, как они заберут дары, пришедшие возвращаются по своим домам. Вот таким образом происходит приближение к названным племенам, и поскольку дети, в пору юности воспитанные на воле, от одного этого уже не были сломлены; и поскольку они вели себя храбро и молодецкато, их имена уподобляли барсу и льву, а враги-недоброжелатели, стоило только им вспомнить их имена, дрожали от страха.

Таким образом, из текста анонимной «Истории Крыма» видно, что институт аталычества к XVIII веку уже представлял в глазах современников явление архаичное, а его практика была ограничена представителями политической элиты ханства. Вместе с тем, церемониал, связанный с этим порядком, продолжал соблюдаться, и процесс воспитания ханских наследников в Кабарде осуществлялся согласно традиции. Можно предположить, что сохранение аталычества в Крыму и последующая трансформация должности воспитателя в придворный чин связаны со стремлением ханов выказывать дружественное отношение населению подконтрольной им Кабарды и тем самым упрочивать там свое влияние.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдулгаффар Кырыми*. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод / Пер. с османского Каримовой Ю.Н., Миргалеева И.М.; общ. и науч. редакция, предисл. и коммент. Миргалеева И.М. Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
2. *Абу Бакр Каландар Руми*. Каландар-наме: избранное / Пер. с перс. И.Р. Ги-бадуллина, М.Р. Шамсимухаметовой; общая и научная редакция, предисловие, комментарии И.Р. Гибадуллина. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 1044 с.
3. *Алексеев А.К.* Политическая история Тукай-Тимуридов: По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 229 с.
4. *Беляков А.В., Виноградов А.В.* «Дело Муслы Аталыка». К истории военно-политического противостояния Речи Посполитой, Русского государства и Порты в период династического кризиса в Крыму в 1584–1588 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 51–62.
5. *Зайцев И.В.* Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники. М.: Вост. лит., 2009. 304 с.: ил.
6. *Зайцев И.В.* Семья Хаджи-Гирея // ALTAICA XII. Сборник статей и материалов. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. С. 64–71.
7. *Косвен М.О.* Аталычество // Советская этнография. 1935. № 2. С. 41–62.
8. *Семенов А.А.* Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре // Советское востоковедение. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. № 5. С. 137–153.
9. Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма / Изд. с прил. Смирнов В.Д.. СПб.: б. и., 1881. lxxxv + 260 с.
10. *Mirgaleev I.M.* The Islamization of the Golden Horde: New data // Золотоордынское обозрение. 2016. № 1. С. 89–101.
11. *Osmanlıca–Türkçe Ansiklopedik Lûgat*. Hazırlayan F. Devellioğlu. Ankara, Aydın Kitabevi, 2017. 1732 s.

Сведения об авторе: Марк Альвиевич Козинцев – аспирант, младший научный сотрудник подразделения Лаборатория Сериндика Института восточных рукописей РАН (191186, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: m.kozintcev@mail.ru

Поступила 16.02.2020 Принята к публикации 8.06.2020
Опубликована 29.06.2020

REFERENCES

1. Abdulgaffar Кыргызи. *Umdet al-akhbar*, Книга 2: *Perevod* [Umdet al-akhbar, Book 2: Translation]. Karimova Yu.N. and Mirgaleev I.M. (tr.), Mirgaleev I.M. (ed.). Series "Textual Heritage", no. 5. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 200 p. (In Russian)
2. Abu Bakr Qalandar Rumi. *Kalandar-name: izbrannoe* [Qalandar-name]. Per. s pers. I.R. Gibadullin, M.R. Shamsimukhametova; obsh. i nauch. red., predislavie, kommentarii I.R. Gibadullin. Kazan, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2017. 1044 p. (In Russian)
3. Alekseev A.K. *Politicheskaya istoriya Tukay-Timuridov: Po materialam persidskogo istoricheskogo sochineniya Bakhr al-asrar* [Political History of the Tuka-Timurids: Based on the Materials of Persian Historical Work Bahr al-asrar]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2006. 229 p. (In Russian)
4. Belyakov A.V. and Vinogradov A.V. "Delo Musly Atalyka". *K istorii voenno-politicheskogo protivostoyaniya Rechi Pospolitoj, Russkogo gosudarstva i Porty v period dinasticheskogo krizisa v Krymu v 1584–1588 gg.* ["The case of Muslı Atalık". To the history of military and political confrontation of the Polish-Lithuanian Commonwealth, Russia, and the Ottoman Porte during the dynastic crisis of 1584–1588 in Crimea]. *Srednevekoveye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States]. Kazan, 2014, no. 6, pp. 51–62. (In Russian)
5. Zaytsev I.V. *Krymskaya istoriograficheskaya traditsiya XV–XIX vv.: puti razvitiya: rukopisi, teksty i istochniki* [Crimean Historiographical Tradition from the fifteenth to the nineteenth centuries. Ways of Development: Manuscripts, Texts, and Sources]. Moscow: Oriental literature, 2009. 304 p. (In Russian)
6. Zaytsev I.V. Sem'ya Khadzhi-Gireya [Hacı Giray's family]. *ALTAICA XII. Sbornik statej i materialov* [ALTAICA XII. Collection of Papers and Materials]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2007, pp. 64–71. (In Russian)
7. Kosven M.O. Atalychestvo [Fosterage]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1935, no. 2, pp. 41–62. (In Russian)
8. Semenov A.A. Bukharskiy traktat o chinakh i zvaniyakh i ob obyazannostyakh nositeley ikh v srednevekovoy Bukhare [Bukharan treatise about ranks and titles and about their holders' duties in Medieval Bukhara]. *Sovetskoe vostokovedenie* [Soviet Oriental Studies]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1948, no. 5, pp. 137–153. (In Russian)
9. *Sbornik nekotorykh vazhnykh izvestij i ofitsial'nykh dokumentov kasatel'no Turtsii, Rossii i Kryma* [Collection of Some Important Information and Official Documents regarding Turkey, Russia, and Crimea]. Smirnov V.D. (ed.). St. Petersburg, 1881. lxxxv + 260 p. (In Russian)
10. Mirgaleev I.M. The Islamization of the Golden Horde: New data. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016, no. 1, pp. 89–101.
11. *Osmanlıca–Türkçe Ansiklopedik Lûgat*. Hazırlayan F. Devellioğlu. Ankara, Aydın Kitabevi, 2017. 1732 s. (In Turkish)

About the author: Mark A. Kozintcev – Postgraduate student, Junior Researcher of the Serindica Laboratory, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (18, Dvortsovaya emb., Saint Petersburg 191186, Russian Federation). E-mail: m.kozintcev@mail.ru

*Received February 16, 2020 Accepted for publication June 8, 2020
Published June 29, 2020*